

RU

Специфика художественного пространства
в цикле В. Д. Колупаева «Капитан Громовержца» (1982)

Морозова И. В.

Аннотация. Статья посвящена изучению творчества томского писателя-фантаста, члена Союза писателей СССР Виктора Дмитриевича Колупаева (1936-2001). Цель исследования - выявление особенностей репрезентации категории художественного пространства в поэтике малой прозы фантаста на материале цикла «Капитан Громовержца» (1982). Научная новизна работы заключается в изучении произведений малой прозы В. Д. Колупаева с точки зрения ее пространственно-временной организации, а также в привлечении в качестве материала исследования ранее не изученного цикла. В статье проанализирован основной художественный пространственный образ - космический. В результате выявлено использование традиционного для научной фантастики образа космоса как Чужого, служащего для раскрытия духовно-нравственной проблематики. Имагологическое содержание выражается за счёт изображения космического пространства. Хронотоп, система персонажей, ономастика цикла способствуют познанию себя сквозь призму Другого. Выявлено, что категория художественного пространства репрезентует специфику индивидуально-авторской картины мира, заключающейся в соединении лирического и твердого типов научно-фантастической литературы с целью изображения волнующего писателя круга социальных проблем.

EN

Specifics of Fictional Space
in V. D. Kolupaev's Cycle "Captain of the Thunderer" (1982)

Morozova I. V.

Abstract. The paper studies the creative work of Viktor Dmitrievich Kolupaev (1936-2001), a Tomsk science fiction writer, member of the USSR Union of Writers. The research aims to identify the features of representation of the category of fictional space in the poetics of the fiction writer's short prose based on the material of the cycle "Captain of the Thunderer" (1982). Scientific originality of the research lies in studying V. D. Kolupaev's short prose from the viewpoint of its spatial and temporal organisation, as well as in involving the previously unexplored cycle as research material. The paper analyses the main fictional spatial image - the cosmic one. As a result, the use of the image of the cosmos as an Other traditional for science fiction, serving to explore spiritual and moral issues has been revealed. The imagological content is expressed through the depiction of outer space. The chronotope, character system, onomastics of the cycle contribute to their discovery through the prism of the Other. It has been determined that the category of fictional space represents the specifics of the author's individual worldview, which consists in combining the lyrical and hard types of science fiction literature in order to depict a range of social issues concerning the writer.

Введение

Актуальность темы исследования определяется повышенным интересом современной гуманитаристики к способам репрезентации категорий пространства и времени в художественных произведениях и выявления их особенностей. В последнее десятилетие изучение категорий пространства и времени было выполнено на материале произведений таких писателей, как Б. и А. Стругацкие (Эверстов, 2016), А. Беляев (Старцев, 2021), И. Ефремов (Майорова, Осмухина, 2018; 2020) и др. Обращение к творчеству знаменитого сибирского автора, члена Союза писателей СССР (1976) *Виктора Дмитриевича Колупаева* (1936-2001) закономерно. Малая проза писателя-фантаста является богатым материалом для литературоведческого анализа с целью рассмотрения пространственно-временной организации текста; сам В. Д. Колупаев выделял пространство и время как одно из ключевых тематических направлений творчества: «В общем-то, почти все мои рассказы и повести – о Пространстве и Времени, и еще – о Человеке» (Колупаев, 1994, с. 5).

Ранее цикл «Капитан Громовержца» не становился предметом научного исследования. Выявляется малоизученность прозы томского писателя; анализировались его поздние произведения, например, роман «Сократ Сибирских Афин» (2001) (Никиенко, 2012; 2013; 2014а; 2014б; Рыбальченко, 2005). В аспекте изучения художественного пространства и времени рассмотрены цикл «Жизнь как год» (Морозова, 2022), повесть «Качели Отшельника» (Морозова, 2021) и рассказ «Газетный киоск» (Морозова, 2020).

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: впервые атрибутировать ранее не изученный цикл «Капитан Громовержца» (1982), определить в нем авторскую концепцию пространства; рассмотреть особенности ее художественного выражения; проанализировать специфику индивидуально-авторской картины мира писателя.

В методологическом отношении для понимания художественного воплощения категорий пространства в исследуемом произведении В. Д. Колупаева использовались принципы сравнительно-исторического анализа, культурно-исторический метод, метод целостного анализа художественного произведения.

Материалом исследования является цикл «Капитан Громовержца», первая и последняя редакции которого были опубликованы в сборнике «Зачем жил человек?» (Колупаев В. Д. Зачем жил человек? Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1982) и в собрании сочинений писателя (Колупаев В. Д. Волево усилие. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Престиж Бук, 2017. Т. 3. Повести, рассказы) соответственно.

Теоретическую базу исследования составляют литературоведческие работы, в которых категории пространства и времени осмысливаются сквозь призму художественного сознания авторов научно-фантастической литературы (Надежкина, 2008; Гусева, 2014; Кикенова, 2017; Московкина, 2019).

Основополагающим направлением изучения художественного пространства и времени выступает категория хронотопа. М. М. Бахтин (1975, с. 235) подчеркивает корреляцию хронотопа с категорией жанра, что, по мнению украинской писательницы О. А. Чигиринской (2008), находит свое подтверждение и в жанре фантастики: «Следуя Бахтину, я предпочитаю называть фантастику жанром и определять его главную жанрообразующую поэтическую черту как “невозможный” хронотоп, создаваемый тремя основными методами: утопией (невозможное место), ухронией (невозможное время) и усэвией (невозможная вещь в подчеркнуто реальном хронотопе)».

В отличие от бахтинской концепции хронотопа, в которой доминирует категория времени, в представлении Ю. М. Лотмана (1988) ведущую роль в пространственно-временной организации художественного произведения занимает образ пространства: «Однако художественное пространство не есть пассивное вместилище героев и сюжетных эпизодов. Соотнесение его с действующими лицами и общей моделью мира, создаваемой художественным текстом, убеждает в том, что язык художественного пространства – не пустотелый сосуд, а один из компонентов общего языка, на котором говорит художественное произведение» (с. 259). Исследователь предлагает следующую классификацию ключевых видов пространств: точечное, линейное, открытое или закрытое, плоскостное или объемное, бытовое или воображаемое, свое или чужое. В связи с тем, что в исследуемом произведении категория пространства господствует над временем, лотмановская концепция является основополагающей.

Практическая значимость работы заключается в использовании материалов исследования при изучении истории русской литературы и советской фантастики, региональной литературы на спецкурсах. Полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебных пособий по истории советской фантастики, а также литературоведению (в частности, анализу пространственно-временной организации художественного текста).

Основная часть

Произведение «Капитан Громовержца» занимает особое место в творчестве томского фантаста В. Д. Колупаева, поскольку соотносится с классическим для научно-фантастической литературы, но не для прозы писателя жанром космической оперы. Изначально под космической оперой (англ. *space opera*) понимались банальные бытовые драмы, однако постепенно это понятие стали применять к красочным приключенческим произведениям о межпланетных или межзвездных конфликтах (The Encyclopedia of Science Fiction. 2020. URL: https://sf-encyclopedia.com/entry/space_opera). Кроме того, в отличие от ранее изученного нами цикла «Жизнь как год», во всех рассказах «Капитана Громовержца» представлен единый главный герой – командир корабля «Громовержец» Игорь.

Уникальна и история издания цикла. Впервые «Капитан Громовержца» был опубликован в 1982 году в сборнике авторских произведений В. Д. Колупаева «Зачем жил человек?», подготовленном новосибирским издательством «Западно-Сибирское книжное издательство». В аннотации к сборнику автор представлен как известный сибирский писатель, а его фантастика «как всегда лирична и личностна, о чем бы ни шла речь – о космических экспедициях или о судьбе провинциального инженера» (с. 2). Кроме «Капитана Громовержца», в издании включены повесть «Толстяк над миром» (1980), рассказы «Фильм на экране одного кинотеатра» (1982), «Зачем жил человек?» (1970), «Молчание» (1977), «Седьмая модель» (1982). За исключением произведений «Фильм на экране одного кинотеатра» и «Зачем жил человек?» все посвящены или исследованию, или порабощению цивилизаций на других планетах. В цикл «Капитан Громовержца» вошли рассказы, расположенные в следующем порядке: «О, мода!» (1982), «Приключение на Ферре» (1982), «Стригуны» (1980), «Дефицит информации» (1982), «Исключение» (1980).

Позднее «Капитан Громовержца» переиздавался дважды уже после смерти писателя – в 2003 г. и 2017 г. В отличие от первого сборника «Качели Отшельника» (Колупаев В. Д. Качели Отшельника. М.: АСТ; Ермак, 2003), где представлена оригинальная версия художественного произведения, в третьем томе «Волево усилие» собрания сочинений томского фантаста 2017 г. изменена композиция цикла, а именно добавлены рассказы «Поющий лес» (1972) и «Обычный день» (1984). Возможной причиной присоединения последних текстов является развитие сюжетной линии вокруг одного главного героя и его приключений на просторах космоса.

Тем не менее в результате изменения композиции цикла нарушается хронология описываемых в нем событий. Рассказы «О, мода!» и «Поющий лес», характеризующиеся наличием элементов завязки, т.е. вводящие главного персонажа и объясняющие цель его странствий, являются равнозначными и занимают первое место в фабуле произведения. Ср.: «Сдав экзамены на право вождения грузового космического корабля, Игорь немедленно направился в Управление Внегалактических Цивилизаций, где получил разрешение на вылет. А в придачу к этому разрешению – выдавший виды транспортник, носивший гордое название “Громовержец”. Через сутки Игорь уже рыскал на своем корабле в одной из удаленных галактик, надеясь встретить что-нибудь интересное» (Колупаев, 2017, с. 387); «“Громовержец” – старый грузовой корабль, похожий на приплюснутую консервную банку, – вторую неделю шел с такой непостижимой для него скоростью, что уже на сутки опережал график выхода из гиперпространства в окрестностях Земли. Игорь – капитан корабля и единственный член экипажа – немало потрудился, чтобы “Громовержец” с такой скоростью поглощал парсеки...» (Колупаев, 2017, с. 450). Наличие вводной части в «Поющем лесу» объясняется тем, что рассказ был опубликован самым первым из представленных в цикле произведений, а именно в 1972 году в авторском сборнике «Случится же с человеком такое!..» московского издательства «Молодая гвардия».

Таким образом, присоединение рассказов «Поющий лес» и «Обычный день», композиционный порядок которых продублирован из прижизненного сборника писателя «Поющий лес» 1984 г. (Новосибирск, Западно-Сибирское книжное издательство), очерчивает новый этап внегалактических путешествий главного героя Игоря в цикле «Капитан Громовержца». С одной стороны, такой издательский прием облегчает восприятие читательской аудиторией произведения как художественного целого, с другой – видоизменяет авторскую концепцию.

В критическом восприятии «Капитан Громовержца» не имел большого успеха: обнаружены лишь две статьи, содержащие оценку и критику цикла. Рассуждая о преобладании в творчестве томского писателя «бытовой» фантастики, А. В. Горшенин (2001) упоминает и противопоставляет ей цикл «Капитан Громовержца», в котором В. Д. Колупаев продемонстрировал себя «как мастер научно-фантастической прозы». А. Н. Осипов (1988) также акцентирует внимание на авторском переходе от лирического к «твердому» типу научной фантастики, однако в негативном ключе: «Непривычность формы и содержания, ранее мало свойственных почерку Виктора Колупаева, думается, снижает и эмоциональную силу воздействия произведений, и, как следствие, идейную значимость».

Основным пространственным образом в цикле «Капитан Громовержца» является космический. Космос – наиболее часто изображаемое место действия в фантастической литературе: «Появление в фантастических романах образов космического пространства становится своеобразным штампом, уступкой классическим традициям жанра, символом утопических, идиллических мечтаний о “пыльных дорожках далеких планет”» (Путило, 2015, с. 16-17). Обращение к образу Вселенной в творчестве отечественных авторов обусловлено также и происхождением научной фантастики от жанра литературной волшебной сказки, через призму которой космос воспринимается как бесконечный звездный океан (Неёлов, 1986, с. 78). Со временем обращение к космическому пространственному образу обуславливается и политическими причинами; проявляется колониальная тематика произведений. Как отмечает Т. И. Хоруженко (2019), «практически с момента своего появления на русской почве фантастика взяла на себя функцию прогнозирования будущего, выполняя роль, свойственную пропаганде, публицистике, политике и утопии» (с. 763).

Цикл «Капитан Громовержца» посвящен космическому путешествию молодого человека Игоря, целью которого является поиск чего-либо необычного и интересного. Каждый рассказ представляет отдельный эпизод, случившийся на определенной планете. В названиях планет в основном используются вымышленные астрономы, заимствованные из иностранных языков: Ферра (от лат. *ferrum* «железо»), Пента (от греч. *πέντε* «пять, кратный пяти»), Селга (от латыш. *selga* «открытое море»), Тева (с иврита *טֵבָה* [teva] «природа»). Особо выделим название планеты Лемза в рассказе «Дефицит информации», которое, с одной стороны, является анаграммой слова «Земля», с другой – созвучно нескольким вариантам иностранных заимствований, а именно: с белорус. *лемзаць* и укр. *лемзати* «медленно, неохотно есть» (Стариченок В. Д. Фрагмент слоўніка балтызмаў. 2012. URL: <http://elib.bspu.by/handle/doc/5197>), с укр. *лямці* «валенки» (Бусел В. Великий тлумачний словник сучасної української мови. К. Ирпень: Перун, 2005. С. 633), с литов. *lėmtūta* «неповоротливый, медлительный человек» (Либериц А. Литовско-русский словарь. Вильнюс: Минтис, 1971. С. 362), с тундрового ненецкого *лемза* «медлительный» (Урманчиева А. Ю. Деривационная морфология образных глаголов тундрового ненецкого языка // Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2020. Т. 3. № 16. С. 597). Кроме того, можно встретить применение авторских астрономов, например Карамбуния в «Поющем лесу», а также реальных географических названий, таких как Сатка, обозначающее город в Челябинской области и переводящееся с башкирского языка как «междуречье, перекресток».

Художественная номастика В. Д. Колупаева определяет специфику изображаемого пространства. Во-первых, с помощью названия акцентируется внимание на типе описываемого небесного тела. Так, в рассказе «Стригуны» Пента является звездой. Во-вторых, через астрономы характеризуются жители изображаемого пространства, например питающиеся железом ферряне. В-третьих, космонимы играют ключевую роль в поэтике произведения.

Например, они занимают особое место в авторском приеме антитезы. В первой части цикла «О, мода!» используемое название Тева противопоставляется изображаемому миру Будущего, в котором больше не признаются законы природы. В «Дефиците информации» астроним Лемза является, с одной стороны, авторским сравнением планеты с Землей, что подтверждается в «исторической» справке о Лемзе: «Планета Лемзя, вторая в системе звезды Шансон, по возрасту и уровню развития цивилизации была *почти двойником* (курсив и выделение здесь и далее автора статьи. – И. М.) Земли» (Колупаев, 2017, с. 423). С другой стороны, акцентируется внимание на заглавной теме произведения, заключающейся в сравнении информации и пищи. Таким образом, в рассказе «Дефицит информации» противопоставляются мысли с неизвестной для читателя планеты, которые питаются исключительно полученной из книг или других источников информацией, и лемзяне (и/или земляне), использующие традиционные продукты питания. Последние, в свою очередь, с высокой скоростью производят новую информацию, однако часто она оказывается бессмысленным, не насыщающим продуктом: «Мыслик превратил первую книгу в стопку абсолютно чистых листов секунд за пять. Вторую еще быстрее. <...> – Но здесь же нет почти никакой информации. – Как!? – забеспокоился Игорь. – Ведь двадцать книг!» (Колупаев, 2017, с. 422).

Космическое пространство в исследуемом произведении представлено как пространство чужое, иное по отношению к привычному, земному. В первую очередь это репрезентуется на уровне развития жителей планет: изображены или представители высокоразвитой цивилизации, или бессмысленные существа, что, в свою очередь, коррелирует с описанием их мест обитания. В рассказах «О, мода!», «Дефицит информации», «Исключение», «Поющий лес», «Обычный день» пространство в большей степени соотносится с модальностью будущего времени: наблюдается стремительный скачок в технологической сфере. Например, тевянам предоставляется возможность покупать новые тела, словно одежду, а жители Селги могут сделать заказ на создание клона любимого человека, не отвечающего в реальности взаимностью.

В частях «Приключение на Ферре» и «Стригуны» возникает образ «пустынного» космоса, населенного или безмозглыми, или нематериальными субъектами. Изображение такого рода существ переносит читателей в пространство-время прошлого, когда выживание вида и агрессивное поведение по отношению к «чужому» выходят на первый план. Деградирующие ферряне поработают членов научно-исследовательской экспедиции, заставляют их добывать железо, поскольку для них это средство пропитания: «У феррян не было жилищ. Спали они там, где заставала их ночь. Они не занимались ни скотоводством, ни земледелием, не умели охотиться, ловить рыбу, собирать коренья и фрукты. Они вообще не питались растительной и животной пищей. Они ели железо! Могли и другие металлы и сплавы. Но охотнее всего они ели железо. Мелкие детали, прутки, пластинки» (Колупаев, 2017, с. 402). В отличие от феррян, стригуны не умеют даже разговаривать; они являются существами-полусферами с щупальцами, издающими стригущий звук: «Разумные существа! Ну это вряд ли! Какие-нибудь кибернетические устройства или просто устойчивые густки энергии?» (Колупаев, 2017, с. 410). Жители Пенты агрессивно настроены к главному герою Игорю и постоянно совершают нападения на него и Громовержца. Однако в ходе ожесточенной борьбы выясняется схожесть феррян и стригунов: «Уже в рубке, размышляя над результатами своей вылазки, он вдруг пришел к открытию: стригуны разрушают только то, в чем есть металл» (Колупаев, 2017, с. 410).

Отметим, что только в «Приключении на Ферре» возникает одна из упомянутых Т. И. Хоруженко (2019) тем, связанных с прогрессорством советской научной фантастики, – принудительного счастья. Член исследовательской экспедиции испытывает жалость к феррянам и чувство ответственности за них, когда они спасаются с Ферры: «– Подохнут ведь без нас. Подохнут. Жалко. “Ну и человек, – подумал Игорь. – Несколько минут назад они могли разорвать его на части, а он их жалеет”» (Колупаев, 2017, с. 401).

Враждебность космического пространства на планетах Ферра и Пента передано через «описание планетарного пространства» (Калинюк, 1999, с. 73), а именно через колористику пейзажа: «**Ярко-желтый** диск солнца перевалил за зенит. На небе не было ни облачка. Внизу расстились бескрайние заросли **уродливых деревьев и колючих кустарников**» (Колупаев, 2017, с. 398); «Мутноватые **красно-желтые** потоки лучей Пенты освещали уходящую вдаль равнину. <...> Впереди, слева и справа тянулись однообразные **серовато-красные** возвышения, нечто вроде обыкновенных чочек, только гораздо больших по размерам. Местность и в самом деле была **болотистая**. <...> Трясина засасывала быстро, странно и неприятно булькая и чавкая при этом» (Колупаев, 2017, с. 405-406). При описании доисторического пространства автор прибегает к теплым цветам, чаще всего к красному. Как отмечает Н. В. Серов (2019), «красный цвет часто вызывает волнение, беспокойство и усиливает нервное напряжение. По данным де Боно, красный является очень эмоциональным цветом, так как символизирует гнев, ярость и внутреннее напряжение» (с. 81). В приведенных выше цитатах подчёркиваем важный для восприятия образа космоса географический пейзаж, в котором отражаются уродство пространства и его непригодность для сосуществования с человеком.

Вторым приемом, используемым для воссоздания образа космического пространства как чужого, является обращение автора к иностранным антропонимам: Кликс, Слор, Ора, Вок («О, мода!»), Анри Бато, Анат Апугтин, Виль Ярве («Приключение на Ферре»), Гел, Найя, Сэт, Сибилла, Доктор Сарапул («Исключение»), Гарс («Обычный день»). Необычные названия также встречаются и в наименовании транспортных космических средств. Например, в рассказах «Приключение на Ферре» и «Исключение» упомянутые в них корабли носят названия «Канберра» и «Фреангина» соответственно. В результате главный герой Игорь, прилетевший с планеты Земля на транспортнике «Громовержец», противопоставляется персонажам иных планет, тем самым подчеркивается авторская парадигма «свой» – «чужой» по отношению к земному и космическому пространственным образам.

Обращение к образу космоса в цикле «Капитан Громовержца» обусловлено тематикой произведения, сводящейся к обсуждению духовно-нравственных проблем человека. В каждой части цикла, за исключением

«Стригунов», на изображаемых планетарных пространствах акцентируется внимание на определенной философско-нравственной проблеме: принятие природной красоты («О, мода!»); сострадание к врагу («Приключение на Ферре»); падение качества информации («Дефицит информации»); уникальность человека («Исключение»); порочность человека; готовность обменять жизнь и память на удовольствие («Обычный день»).

Кроме того, заглавной темой цикла является антимилитаризм, репрезентированный в образах главного героя и его корабля. В первую очередь это отражается в их номинации. Громовержец является общим названием языческих божеств, связанных с грозой, молнией, воинственностью и властью (славянский Перун, греческий Зевс и др.). Мужское имя «Игорь» произошло от древнескандинавского имени Ingvarr, первая часть которого обозначает имя скандинавского бога изобилия Ingviö, а вторая – varr – охранять (Суперанская А. В. Современный словарь личных имён. Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 115-116). Также использование образа Громовержца соотносится и с наименованием исторических реалий, обозначающих военную технику: в российской истории эскадренный миноносец «Изяслав» первоначально носил название «Громовержец», а в США «Громовержец» (англ. *Thunderchief*) являлся одноместным истребителем-бомбардировщиком, эксплуатировавшимся в 1958-1984 гг.

Однако, подчеркивая в имени главного героя и названии его транспортного средства образы войны и мужской силы, автор использует иронию по отношению к ним. В описании Игоря и «Громовержца» подчеркивается нескладность и отсутствие красоты и изящества, что не вызывает страха у других персонажей: «Он почти физически ощутил, как взгляды измеряют пропорции его *не слишком складно скроенного* тела» (Колупаев, 2017, с. 388); «А в придачу к этому разрешению [на вылет] – *выдавший виды* транспортник, носивший гордое название “Громовержец”» (Колупаев, 2017, с. 387). Более того, космический корабль воспринимается главным героем не как транспортное средство, а «живой» товарищ и компаньон, что, в свою очередь, продолжает традицию соединения волшебной сказки и научной фантастики: «Корабль оживает, становится одухотворенным, волшебным “добрым помощником”, подобным сказочному коню или волшебной птице» (Неёлов, 1986, с. 80). Такой тип взаимодействия между Игорем и «Громовержцем» ярко представлен в части «Стригуны»: «– Игорь, – сказал киберпомощник, – за ночь произведен частичный ремонт одного планетарного двигателя. – Понятно, Гром, – отозвался капитан. – Что-то делать все равно нужно...» (Колупаев, 2017, с. 409).

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Цикл В. Д. Колупаева «Капитан Громовержца», впервые рассмотренный в литературоведческом аспекте, оригинален в контексте изучения категории художественного пространства как ключевого элемента в понимании поэтики малой прозы писателя. Концепция пространства томского фантаста заключается в использовании традиционного для научной фантастики образа космоса как Чужого с целью раскрытия духовно-нравственной проблематики. Имагологическое содержание выражается за счёт изображения космического пространства; хронотоп, ономастика, система персонажей способствуют познанию себя сквозь призму Другого. В результате категория художественного пространства в исследуемом цикле репрезентует специфику индивидуально-авторской картины мира, заключающейся в соединении лирического и твердого типов научно-фантастической литературы с целью изображения волнующего писателя круга социальных проблем. Поскольку художественное пространство неразрывно связано с категорией художественного времени, для выработки комплексного представления о специфике творческой системы В. Д. Колупаева перспектива дальнейшего исследования видится в обращении к пространственным и временным образам его наследия в целом и цикла «Капитан Громовержца» в частности.

Источники | References

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975.
2. Горшенин А. В. Обыкновенное чудо: сибирские огни. 2001. URL: <http://www.sibogni.ru/content/obyknovennoe-chudo>
3. Гусева А. Ю. К вопросу о философии фантастики // *Studia culturae*. 2014. № 19.
4. Калинюк Е. А. Описание пространства в научно-фантастическом тексте // *Записки з романо-германської філології = Writings in Romance-Germanic Philology*. 1999. Вып. 4.
5. Кикенова Б. Н. Фантастика и реальность в прозе: функции хронотопа в повести братьев Стругацких «Улитка на склоне» // *Слово - образ - речь: грани филологического анализа художественного произведения / науч. ред. И. Г. Минералова, К. Р. Нургали*. Ярославль: Литера, 2017.
6. Колупаев В. Д. Пространство и время для фантаста. Томск, 1994.
7. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М.: Просвещение, 1988.
8. Майорова Д. А., Осьмухина О. Ю. Специфика конструирования фантастического мира в повести И. Ефремова «Сердце змеи» // *Art logos. Искусство слова*. 2018. № 1 (3).
9. Майорова Д. А., Осьмухина О. Ю. Специфика конструирования фантастического мира в романе И. Ефремова «Час Быка» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 13. Вып. 1.
10. Морозова И. В. Городские топосы как переводческая проблема: образы Томска в рассказе В. Колупаева «Газетный киоск» и его переводах // *Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сб. мат. VI (XX) междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (г. Томск, 18-19 апреля 2019 г.)*. Томск: STT, 2020. Вып. 20.

11. Морозова И. В. Категория времени как основа архитектоники программного цикла В. Д. Колупаева «Жизнь как год» (1982) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 5. DOI: 10.30853/phil20220231
12. Морозова И. В. Художественное пространство и время в повести В. Д. Колупаева «Качели Отшельника» // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сб. мат. VIII (XXII) междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (г. Томск, 15-17 апреля 2021 г.). Томск, 2021. Вып. 22.
13. Московкина Е. А. Погружение против возвышения: специфика хронотопа ранних рассказов И. А. Ефремова // Культура и текст. 2019. № 3 (38).
14. Надежкина Т. О. Мифопоэтическая организация трилогии А. и Б. Стругацких «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике», «Волны гасят ветер»: дисс. ... к. филол. н. Владивосток, 2008.
15. Неёлов Е. М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986.
16. Никиенко И. В. Вода как онтологическая и гносеологическая среда: особенности художественной адаптации философского концепта «первоначало» в «Сократе Сибирских Афин» В. Д. Колупаева // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 1 (21).
17. Никиенко И. В. Дискурсивное синтезирование концепта «Апейрон» в «Сократе Сибирских Афин» В. Д. Колупаева: «афинский» слой // Сибирский филологический журнал. 2014а. Вып. 4.
18. Никиенко И. В. Персонализация институционального как дискурсивная стратегия фантаста (на материале поздней прозы В. Д. Колупаева) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014б. Вып. 10 (151).
19. Никиенко И. В. «Пушкинский текст» в «Сократе Сибирских Афин» В. Д. Колупаева // Сибирский филологический журнал. 2012. № 4.
20. Осипов А. Н. Случится же с человеком такое! 1988. URL: http://www.fandom.ru/about_fan/osipov_03_3_2.htm
21. Путило О. О. Топос космического пространства в фантастической литературе // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2015. № 3.
22. Рыбальченко Т. Л. Проза из Сибирских Афин // Виктор Дмитриевич Колупаев: биобиблиографический указатель / сост. и авт. предисл. А. В. Яковенко; ред. С. С. Быкова. Томск, 2005.
23. Серов Н. В. Символика цвета. СПб.: Страта, 2019.
24. Старцев Д. И. Творчество А. Р. Беляева и традиции научно-фантастической прозы в русской литературе второй половины XX в.: дисс. ... к. филол. н. Саранск, 2021.
25. Хоруженко Т. И. Принудительное счастье космической колонизации: советский проект в научной фантастике // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7. № 3.
26. Чигиринская О. А. Фантастика как способ организации хронотопа. 2008. URL: <http://heartofsword.eu/statya/fantastika-kak-sposob-organizacii-hronotopa>
27. Эверстов М. С. Особенности построения хронотопа в романах Стругацких («Полдень, XXII век», «Град обреченный») // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 2.

Информация об авторах | Author information



Морозова Инна Викторовна¹

¹ Томский государственный университет



Morozova Inna Viktorovna¹

¹ Tomsk State University

¹ miv96@inbox.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 31.10.2022; опубликовано (published): 30.11.2022.

Ключевые слова (keywords): советская фантастика; художественное пространство; Виктор Колупаев; цикл «Капитан Громовержца»; космическое пространство; Soviet science fiction; fictional space; Viktor Kolupaev; cycle “Captain of the Thunderer”; outer space.